ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ТРУД

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ВСЕРОС. ЦЕНТР. СОВЕТА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ

Специальный №-р 1—8-го декабря 1921 г.

НЕДЕЛЯ КРАСНОГО ПРОФИНТЕРНА.

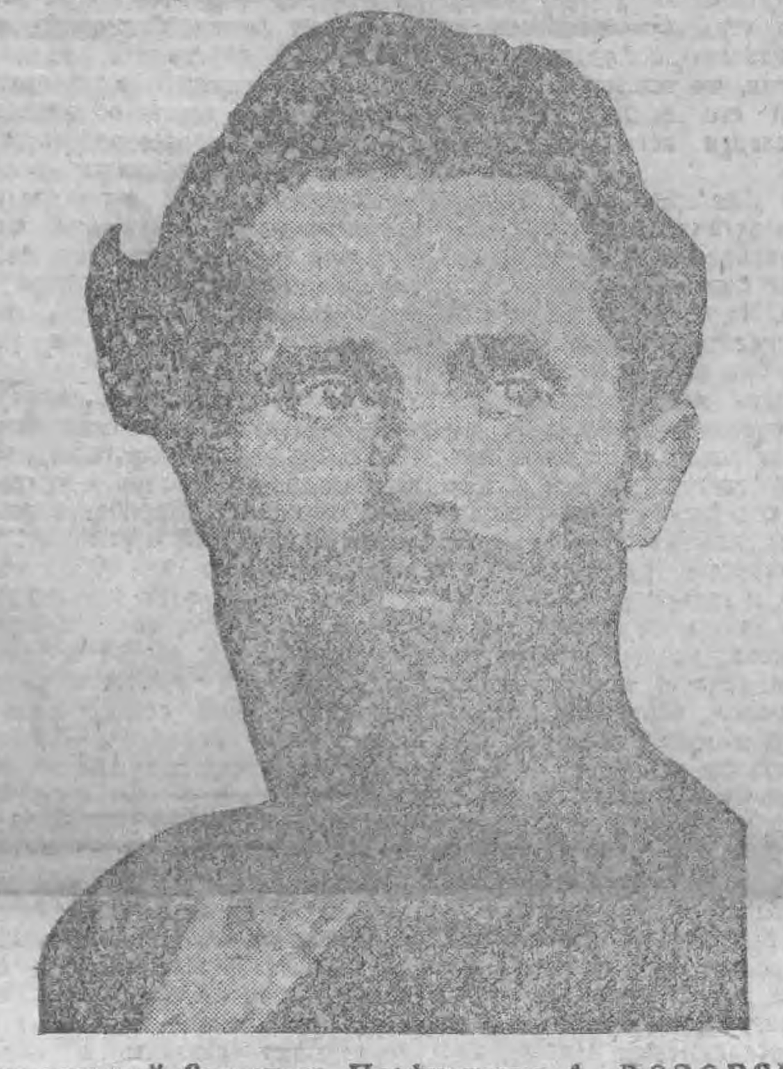
СОДЕРЖАНИЕ №-ра.

Неделя Красного Интернационала Профсоюзов.

С первого по восьмое декабря произойдет мировой смотр красного профессионального движения и подсчет революционных сил. В эту неделю сторонники Красного Интернационала профессиональных союзов выступят одновременно во всем мире с изложением нашей программы и тактики. «Неделя» происходит как раз в период максимального нажима мирового капитала на рабочие массы, когда в самых отсталых слоях пролетариата растет негодование и классовая ненависть против угнетателей. И, к сожалению, это еще не Мировая Неделя действия и наступления на капитал; это, пока что, мировая неделя агитации, пропаганды, вербовки сплочения масс и подготовки их для штурма капиталистической крепости.

Мировое рабочее движение переживает сейчас, в связи с наступлением капитала, глубокий кризис. Отступавший первые два года после войны капитал перешел в бешеное наступление. Рабочие отступают часто даже без борьбы. В момент величайшего напряжения экономических конфликтов и тяжелого давления капитала голос революционных союзов будет звучать особенно громко. В эту неделю сторонники Красного Интернационала профессиональных союзов понесут в рабочую массу наши лозунги и нашу программу действий. Сотрудничество классов явно обанкротилось. Надежды на Лигу Наций и Международное Бюро Труда исчезли, как дым. Разговоры о социализации ничего не дали. Старые союзы очутились перед разбитым корытом потому что они искали какую-то среднюю линию, рассматривали капиталистическое общество, как нечто вечное и неизменное. Они обанкротились в национальном масштабе, и вместе с ними обанкротился в международном масштабе Амстердамский Интернационал.

Красные Союзы не обещали классового мира. Они предупреждали рабочий класс, к чему приведет классовое сотрудничество. Они проповедо-

Генеральный Секретарь Профинтерна А. ЛОЗОВСКИЙ.

вали социальную революцию. Они держали курс на уничтожение капитализма, а не на улучшение его. Красные Союзы не обещали и не обещают легких побед. Они не обещают мирного развития и полюбовного соглашения с предпринимателями. Они говорили и говорят, и особенно подчеркнут это в «Неделю Красного Интернационала Профсоюзов»: «Ты хочешь быть хозяином своих собственных судеб, ты не хочешь быть вещью, товаром ты хочешь поднять свое сознание, жить человеческой жизнью, поднять человеческую культуру на небывалую до сих пор высоту; ты хочешь обратить естественные и накопленные богатства всей страны на пользу широких трудящихся масс; ты не хочешь больше видеть обездоленных голодных людей; ты хочешь уничтожить режим безработицы; если ты хочешь достигнуть всего этого,—уничтожь причины, порождающие бедствия уничтожь систему, которая делит современное общество на голодных и обездоленных, на людей труда и паразитов Властной железной рукой сверги все старые порядки. Возьми сам в свои руки производство, все богатство страны и заставь паразитов работать. Только тогда ты осуществишь твои смутные желания и неясные мечты. Но помни, что достигнуть всего можно только тогда, когда ты сорганизуешься, как класс, и станешь лицом к лицу с твоим классовым врагом; когда из недр своих рабочих организаций ты выгонишь лазутчиков враждебного лагеря; когда ты откажешься от всей суммы старых заплесневелых реформистских идей, методов, лозунгов и способов борьбы и приступишь к систематической, пламенной и беспощадной борьбе против эксплоататоров и их лейтенантов в рабочей среде».

Вот что говорили, говорят и скажут Революционные Союзы рабочим. Вот что они ответят им на вопрос, как отразить наступление капитала. Вот с какой четкой, ясной и недвусмысленной программой выступают Революционные Союзы в эту неделю мирового смотра и подсчета революционных сил. Да, такую программу нелегко осуществить. Много энергии рабочий класс должен потратить, чтобы добиться успеха. Много тяжких испытаний выпадет на долю рабочих каждой страны в отдельности и всех стран вместе взятых. Но разве сейчас, при режиме капиталистической демократии, эти испытания не тяжки? Разве в настоящее время миллионы безработных не обивают пороги фабрик и заводов, и дети их не умирают с голоду? Разве рабочий класс не чувствует сейчас всей тяжести капиталистического пресса? Бояться испытаний и борьбы, когда вся история рабочего движения есть мартиролог, и каждое завоевание рабочих обходилось им в сотни тысяч и миллионы жертв! Историческая дорога усеяна трупами павших бойцов. Один класс приходит на смену другому в тяжкой и ожесточенной борьбе. В великих муках рождается новая жизнь но она все же рождается, и тот, кто хочет ускорить переход к новым формам общественной жизни, кто хочет сократить период страданий, кто хочет уменьшить выпавшие на долю рабочих масс испытания, тот должен итти не путем сотрудничества классов, а путем беспощадной борьбы. Сотрудничество классов и надежда на буржуазию только затягивают болезнь, увеличивают в сотни и тысячи раз количество жертв, которые рабочий класс вынужден будет все же принести, чтобы осуществить свою историческую миссию—освободить человечество от гнета и эксплоатации.

Пусть же в „Неделю Красного Интернационала Профсоюзов“ из страны в страну, из края в край, по всем городам, фабрикам и заводам, повсюду, где бьется пролетарское сердце, несется клич: „Рабочие организуйтесь в классовые революционные колонны, чтобы отбить нападение наступающего классового врага! Гоните из своей среды перебежчиков, лазутчиков неприятеля, руководителей которые еще до сих пор, вместо борьбы болтают о сотрудничестве классов! Сорганизуем хорошо оборону, а потом перейдем в наступление“.

„Неделя Красного Интернационала Профсоюзов“ — не простой парад, а боевой смотр. Силы рабочего класса огромны. Он непобедим. Если рабочим приходится отступать, то потому, что вся колоссальная армия профсоюзов дезорганизована. Она не имеет единой воли, единого желания, единой программы, единой тактики, единой цели борьбы. Но это единство выковывается под паровым молотом наступления капитала. Капиталистический пресс выбивает из наиболее отсталых голов остатки надежд на мирное развитие. Плотнее и плотнее становятся ряды революционных союзов. Все большие и большие массы собираются вокруг них, и если сейчас по всему миру идет Неделя Агитации, Пропаганды и Сбирания Сил, то уже недалек тот день, когда сплоченные, дисциплинированные и классово-воспитанные пролетарские силы, под руководством Коммунистического и Профессионального Интернационалов, устроят Мировую Неделю Красного Наступления.

Старое профессиональное движение умирает, да здравствует молодое революционное профессиональное движение!

А. ЛОЗОВСКИЙ.

МЫ И ОНИ.

Амстердамцы приводят крупные цифры организаций с ними связанных. 2 миллионов, 25 миллионов, 30 миллионов и т. д. и т. д. Этим цифрам мы не можем противопоставить подобных по простой причине: рабочие охраняют бережливо организационное единство профессиональных союзов. Интернационал Красных Профсоюзов считает, что они правы, и он не стремится к расколу профсоюзов в национальном масштабе. Он организационно объединяет только профсоюзы тех стран, где мы завоевали уже большинство; таких стран, само собой понятно, мало. В странах же, где за нами стоит меньшинство рабочих, мы его объединяем идейно, неорганизационно; но для того, чтобы судить о том, за кем будет победа, важны не числа сегодняшнего дня, а важно то, которая политика имеет шансы на успех: наша или амстердамская.

Основа амстердамской политики—это надежда на уступки международного капитала, на реформы им проводимые, улучшающие положение рабочих. В Англии полтора миллиона безработных. Для того, чтобы им дать кое какие сносные условия жизни, правительство должно расходовать столько, сколько Германия должна ежегодно уплачивать всем союзникам. Пойдет ли английская буржуазия на такую реформу своего мешка. Ответ прост: господин Ллойд-Джордж дает его лондонским безработным резиновыми палками лондонских полицейских или шашками кавалерии.

В Германии рабочим, которые не видят неделями куска мяса, господа капиталисты хотят прибавить сотенку миллиардов новых налогов. Взамен, за эту „реформу“ пустого кошелька рабочих, требуют не меньше не больше, чем отдачу им государственных железных дорог. Германские амстердамцы принуждены кричать караул, угрожать всеобщей забастовкой отчего наверно усилится реформистский дух среди рабочих.

Франция в продолжение трех лет не провела в жизнь ни одной социальной реформы, кроме той, что амстердамец Альберт Тома занимает пост секретаря Бюро Труда Лиги Наций и получает министерское жалованье. Но Франция держит под ружьем 800.000 солдат: великолепное условие для процветания социальных реформ.

В то же самое время мы говорим рабочим: без революционной борьбы, беспрерывной, растущей ежедневно, буржуазия никогда не шла на серьезные реформы. Но теперь когда все международное хозяйство находится в полном расстройстве, когда оно придавлено горою военных долгов, буржуазия не может вообще итти ни на какие серьезные уступки. Результатом растущего движения будут не реформы, а захват власти рабочими. Рабочий класс еще боится революции, боится страданий борьбы, и поэтому он в большинстве не идет еще за нами. Но рабочие массы будут и нас и амстердамцев судить на основе фактов, а факты говорят с каждым днем громче против амстердамцев.

В американском рабочем журнале „Либерейтер“ напечатана была картинка: Клемансо спрашивает Ленина: „Как же вы сумели победить наши армии?“—„Я пользовался вашими армиями“,—отвечает Ленин. Господа амстердамцы имеют 20, 25, 30 миллионов рабочих за собою. Мы им желаем роста их организации. Пусть они ее сохранят в целости: нам очень пригодится такая армия. В гражданской войне все искусство состоит в том—как повернуть пушку неприятеля на неприятеля. Мы это искусство знаем, мы пушки повернем!

КАРЛ РАДЕК.

Единый фронт пролетариата против единого фронта капитала.

Наступление капитала и единство пролетарского фронта.

1921 год войдет в историю международного рабочего движения, как один из самых боевых и тяжелых. Нет ни одного угла на земном шаре, где бы не происходила самая ожесточенная борьба между трудом и наступающим капиталом. Вместе с тем, никогда еще капитал не выступал так откровенно и цинично нагло. После двух лет показного военного благополучия, когда изголодавшаяся Европа „насыщала“ себя товарами, капиталистическая хозяйственная система дала невиданную еще по своим размерам трещину. Экономический кризис не только не обнаруживает тенденции к смягчению, но, по словам такого буржуазного авторитета, как Кейнс, „ближайшая к нам эпоха будет протекать под знаком разочарования“. Грабительские условия Версальского договора сказались прежде всего на самих „победителях“. Огромные долги, взваленные одними народами на другие, понизили покупательную способность центральной Европы до минимума, создали валютную вакханалию и вызвали крайнюю неустойчивость мирового рынка. В результате паралич промышленности, застой в торговле, миллионные армии безработных во всем мире.

Все это создало крайне благоприятную атмосферу для наступательного порыва капиталистов. Предприниматель, научившийся с 1914 года получать фантастическую „конъюнктурную прибыль“, естественно, возымел намерение переложить все тяжести кризиса на плечи рабочего класса. Все зло, заявляет он от дорого стоящего производства. Удержится на мировом рынке промышленность той страны, заработная плата рабочих которой является наиболее низкой. Отсюда организованная и мощная „оффензива“ капитала поход на заработную плату, 8-ми-часовой рабочий день и условия труда пролетария.

Если смотреть на карту промышленных центров с газетной сводкой в руках, то глазам представляется картина бушующего моря небывалых размеров классовой борьбы. При этом резко бросается в глаза оборонительный характер борьбы, которую ведет сейчас мировой пролетариат. Если раньше, особенно непосредственно после войны, рабочий класс боролся за увеличение заработной платы уменьшение рабочего дня и т. п., то в данный момент вся энергия его направлена к защите завоеваний, сделанных им после войны, и идеалом

А. АНДРЕЕВ.—Секретарь ВЦСПС, представитель русской делегации на междун. конференции красных профсоюзов.

успеха в борьбе считается сохранение старых позиций. Все крупнейшие стачки последнего года возникали и развивались именно как последнее средство защиты рабочего класса. Так было с углекопами Англии, текстильщиками во Франции, судостроительными рабочими Атлантики в Америке и целым рядом других.

В некоторых государствах, как, например, в Польше, отчасти в Германии, забастовки носят еще внешние признаки наступления рабочего класса,—борьба идет главным образом за увеличение заработной платы. Но по существу и здесь борьба оборонительная, ибо она является результатом неустойчивой валюты этих стран и бешено скачущих цен. Движение

Каждая фабрика и каждый завод должны стать крепостью Красного Интернационала Профсоюзов

заработной платы далеко отстает от колебания валюты и роста дороговизны, и это обусловливает неизбежность активных ответов со стороны пролетариата.

В каких же формах выражается этот „священный“ поход мирового капитала? Эти формы многообразны и „многогранны“. Наступление ведется не только на материальные условия труда пролетария и не только в рамках национального государства. Все силы политические, экономические, культурные и религиозные старого мира образовали крепкий блок против рабочего класса. Лишь накануне убийства Эрцбергера некоторые круги германских, австрийских и чешских предпринимателей затевали совместное выступление против пролетариата центральной Европы. И только поднявшаяся в связи с убийством рабочая волна не дала выявиться интернациональной предпринимательской „солидарности“. А недавняя нашумевшая речь Ллойд-Джорджа в английском парламенте о безработице разве не является образцом своеобразного „идеологического“ нажима на психику английского пролетария.

Но все это, конечно, пустяки по сравнению с тем действительным штурмом, который капитал ведет сейчас в области более близких его сердцу „материальных ценностей“. В Соединенных Штатах за первые 7 месяцев 1921 года 4.540.000 рабочих уже испытали наступательное движение капитала. Гигантский стальной трест сократил заработную плату полумиллиону пролетариев на 45%. Еще хуже в Англии. За первые 6 месяцев 3.600.000 рабочих подверглись сокращению заработной платы. В прядильном и ткацком производстве заработная плата понижена вдвое. А во Франции правительство об'явило буквально войну сельско-хозяйственному пролетариату за его требование 8-ми-часового рабочего дня, обещанного в Вашингтоне. Несомненный рекорд побили промышленные бароны современной Германии. Там, пользуясь сложностью политической обстановки, они за свой патриотический „подвиг“—ссуду государству наспекулированной валюты—пытаются захватить государственное производство, железные дороги и окончательно поработить рабочий класс „самой свободной республики мира“, который по существу играет роль настоящего кули европейского империализма.

Этот Sturm und Drang как зараза передается из одной страны в другую. Подобно своим немецким коллегам, итальянский союз предпринимателей также пред'явил аналогичные требования министру труда Белотти „раскрепостить“ национальную промышленность. Где больше, где меньше, но всюду одинаково настойчиво и упорно капитал ведет генеральное наступление. Характерная особенность наступления — его откровенность и циничность. На конференции о безработице в Вашингтоне президент „великой заатлантической демократии“ Гардинг выступает с речью, в которой успокаивает перепугавшихся миллиардеров и мещан, что „эти паразиты, именуемые безработными, суть обычное явление, присущее вашему строю“, и если количество их несколько „превышает норму“, то это еще не означает ни гибели, ни катастрофы для современного государства.

Что же делает рабочий класс в этот самый серьезный момент своей борьбы с буржуазным строем? Как реагирует он на „единый фронт“ своего классового врага? Первые битвы пролетариатом проиграны. Но можно смело сказать, что пролетариат учится на горьком опыте своей практической борьбы. Крах английских углекопов, неудача французских текстильщиков и многое другое показали ему, к каким плачевным результатам приводят разрозненные и несогласованные выступления отдельных национальных и производственных отрядов. Буржуазия бьет их поодиночке. С другой стороны

А. ДОГАДОВ—Секретарь ВЦСПС, представитель России в Красном Профинтерне.

пролетариат учится по достоинству оценивать раскольническую тактику реформистов, выбрасывающих за борт профессионального движения революционные элементы, и их проповедь сотрудничества классов. Он видит, как буржуазия умеет использовать их пацифистскую болтовню и отбрасывает их в сторону, как только чувствует себя в силах сама расправиться с рабочим классом.

Никогда еще перед пролетариатом так властно не стояла проблема его единого боевого фронта, как в данный момент. Гигантская борьба, развертывающаяся на наших глазах, напоминает недавнюю эпоху империалистической войны. Как там победа или поражение где-нибудь в Галлиполи или Галиции немедленно отражалось на полях Фландрии или Шампани,—так и здесь каждый удар по одному отряду больно ударяет по всему рабочему классу. Массы инстинктивно чувствуют эту потребность быть вместе, действовать всем классом и стихийно тянутся друг к другу. Так создается на деле революционный единый фронт, единство в действиях рабочего класса.

Эта тяга сильнее власти фраз профессиональной бюрократии, которая в итоге вынуждена плестись в хвосте движения и под напором снизу, чтобы не растерять последние остатки своего авторитета, круто направлять руль в красный фарватер. Мы видим это на примере последних событий в Германии. В ответ на требования промышленников центральное об'единение профсоюзов пред'явило правительству ультиматум, состоящий из 10 пунктов. В этом ультиматуме, вполне революционном, говорится о социализации угольной промышленности, высоких налогах на крупные капиталы, на вывоз и т. д. Как добиться того, чтобы этот ультиматум не превратился в очередную „революционную“ канцелярскую „исходящую“ за номером таким-то? Для этого революционные элементы профсоюзов должны превратить его в лозунг борьбы и действия немецкого пролетариата. Ибо вряд ли реакционные профсоюзные бюрократы Германии, для которых даже амстердамское воззвание о помощи голодающей России казалось чересчур левым, добровольно и серьезно пошли на такой „рискованный“ шаг. В тот момент, когда подписывался этот ультиматум, представители шейдемановской социал-демократии мирно усаживались в прусских министерствах рядом с агентами Стиннеса.

Вот почему единый фронт сам по себе, как словесный лозунг, ни к чему не обязывающий, не может и не должен еще быть фетишем. Революционным он становится тогда, когда массы об'единяются для действия, для отпора наступающему капиталу и ответа ударом на удар, ибо рабочий класс в настоящий момент стоит перед двойной задачей: он должен не только организовать мощную и единую оборону, но подготовить также смелый и хорошо разработанный план наступления.

Г. Смолянский.

Долой интернационал желтых вождей, да здравствует Интернационал красных пролетарских масс.

Основные моменты развития Красного Интернационала Профессиональных Союзов.

Вместе с началом войны оборвались все интернациональные нити, связывавшие профессиональные союзы разных стран. Был разбит Международный Секретариат профессиональных союзов, а вместе с ним и Международные Секретариаты по профессиям и производствам.

Неслыханное предательство руководящего ядра профессионалистов всех стран в первые годы совершенно дезорганизовало рабочее движение и только постепенно, медленно, внутри старых союзов начинает расти оппозиция, которая носит первое время недостаточно оформленный характер. Представители некоторых профессиональных союзов (металисты, бондари Франции) принимают участие на Циммервальдовской конференции. Внутри французских, германских, английских профсоюзов начинает расти недовольство военной политикой. Но это—неоформленные пацифистские стремления, которые об'единяют недовольных войной. Оппозиция с трудом прокладывает себе дорогу, ибо профессиональная бюрократия делает все, чтобы уничтожить в самом корне оппозиционные настроения в рядах старых союзов. Эти настроения медленно оформляются политически, возникают ячейки, из которых потом вырастают коммунистические партии. Революционные социал-демократические и лево-интернационалистские организации захватывают в свои ряды профессионалистов, подчиняют своему влиянию оппозицию внутри старых союзов, и, таким образом, до конца войны революционно-социалистическое и интернационалистическое движение идет, переплетаясь с революционным профессиональным движением. Неоформленная оппозиция есть пестрый по своим настроениям блок недовольных элементов против старой бюрократии.

За период войны перед руководящим ядром профессиональных союзов вопрос о создании действительного Интернационала профсоюзов не вставал. Патриоты разных стран строили свои интернациональные об'единения по дипломатическим коалициям, и поэтому не могло быть и речи о создании действительного Интернационала. Так, профсоюзы стран Антанты собрались в конце 1916 года в Англии (Лидс), а профсоюзы центральных империй—в Германии, и каждая страна строила свой Интернационал.

Впервые вопрос о создании профессионального Интернационала был поставлен ребром уже после русской революции на 3-ей конференции профсоюзов (2)—28 июня 1917 года) в резолюции левого блока, состоявшего из коммунистов и интернационалистов. В резолюции левого блока о задачах союзов говорилось, что союзы выполнят стоящие перед ними задачи, если они „в целях скорейшего окончания войны и создания Интернационала вступят в немедленные сношения со всеми профессиональными союзами, которые ведут в различных странах войну против войны, и выработают вместе с ними общий план борьбы против международной войны, за социализм". В этой формулировке имеется уже зародыш будущего Красного Интернационала профессиональных союзов, ибо дело шло не о том, чтобы созвать все профессиональные союзы, а о том, чтобы созвать те союзы, которые ведут войну против войны.

1-й с'езд революционных профессиональных союзов России, происходивший в начале января 1918 года, опять останавливается на вопросе о создании Интернационала профсоюзов. Основная резолюция с'езда по этому поводу гласит следующее: „Российское профессиональное движение не сможет выполнить своих боевых задач, не вступив в самую теснейшую связь с международным профессиональным движением. С'езд считает своей задачей посильно содействовать возрождению интернационального профессионального движения и ставит на очередь созыв международного обще-профессионального с'езда и ряд международных с'ездов по отдельным отраслям производства. Как первый шаг по этому пути, с'езд постановляет созвать к 15 февраля в Петрограде Международную конференцию профессиональных союзов".

Инициатива, взятая на себя русскими профсоюзами, не дала никаких результатов. Таким образом, идея создания революционного профессионального Интернационала повисла в воздухе, ибо в отдельных странах не было еще достаточно оформленных организаций для того, чтобы создать этот Интернационал.

Во время 2-го с'езда русские профсоюзы обращаются с приветствием к профессиональным союзам всех стран, в котором и излагают свою точку зрения.

В октябре 1919 года, в связи с Вашингтонской конференцией, ВЦСПС выпускает специальное обращение к профессиональным союзам всех стран, где протестует против Вашингтонского маскарада и здесь же предлагает всем революционным союзам снестись с ВЦСПС для того, чтобы совместно созвать международный революционный центр.

На 3-ем с'езде (март 1920 года) русские профессиональные союзы, исходя из того, что „борьба международного пролетариата идет не за реформирование капитализма, а за его уничтожение, что в этой борьбе все сознательные революционные элементы собираются с каждым днем все больше и решительнее в ряды 3 Интернационала, как организации, которая является воплощением мировой пролетарской революции", постановляет: „вступить в 3-й Интернационал и призвать революционные классовые союзы всех стран последовать их примеру".

Этим постановлением российские союзы провели определенную борозду между возникшим и оформившимся к этому времени Амстердамским Интернационалом и революционными профсоюзами всех стран. На воззвание русских профсоюзов откликнулись французские синдикалисты, союзы Италии, Болгарии, Юго-Славии, некоторые группы в Англии. Началось организационное оформление революционных частей профессионального движения. Эта тяга к созданию единого центра привела представителей революционных союзов в Россию, где они, накануне 2-го конгресса Коммунистического Интернационала, заложили первые основы Революционного Профессионального Интернационала. Здесь состоялись совещания с английскими тред'юнионистами. После этого представители ВЦСПС, всеобщей конфедерации труда Италии, национальной конфедерации труда Испании, всеобщего синдикального союза Болгарии, представители меньшинства революционных синдикалистов Франции и всеобщей конфедерации труда Юго-Славии выработали 15 июля декларацию, которая послужила исходным пунктом дальнейшего собирания революционных сил. Эта декларация констатирует:

„что в большинстве участвовавших в войне стран большая часть профессиональных союзов—сторонников нейтрализма (аполитизма) сделалась в течение печальных лет войны слугой империалистического капитализма и сыграла роковую роль, задерживая окончательное освобождение трудящихся...

что обязанностью рабочего класса является собирание всех профессионально-организованных сил в мощную революционно-классовую ассоциацию, которая, работая бок о бок с политической организацией интернационального коммунистического пролетариата и в тесной связи с ней, могла бы развернуть все силы для окончательной победы социалистической революции и установления всемирной республики советов...

что диктатуре буржуазии нужно противопоставить, в качестве переходного и решительного средства, диктатуру пролетариата, которая единственно только способна раздавить сопротивление эксплоататоров, обеспечить и консолидировать завоевания пролетарской революции...

что Амстердамская Международная Федерация Профессиональных союзов неспособна по своей программе и по своей тактике добиться торжества вышеперечисленных принципов и обеспечить победу пролетарских масс во всех странах".

Исходя из этого положения, представители вышеуказанных стран создали Временный Боевой Международный Комитет для перестройки и завоевания мирового профессионального движения. Созданием Временного Международного Совета Революционных Профсоюзов левые элементы профессионального движения во всем мире внесли ясность в положение дел. Была проведена принципиальная черта между Амстердамским Интернационалом и Красным Интернационалом Профессиональных Союзов, и работа первых одиннадцати месяцев существования Временного Совета заключалась, главным образом, в том, чтобы поставить вопрос о новом Интернационале в профессиональном движении всех стран. Работы Временного Совета свелись к подготовке с'езда и к пропагандированию идеи нового профессионального движения, при чем уже в момент основания Временного Совета Революционных Профсоюзов выявились основные черты разногласий внутри левого крыла мирового профессионального движения. Эти разногласия об'ясняются тем что профессиональный Интернационал охватывает миллионы рабочих, прошедших коммунистическую, синдикалистскую и анархическую школы.

Таким образом, в левом крыле рабочего движения уже с первых дней оформились несколько тенденций: 1) коммунистическая, 2) синдикалистская, 3) анархическая и 4) лево-реформистская. Анархисты тянули новое международное об'единение к отказу от диктатуры пролетариата и от какого бы то ни было отношения к Коммунистическому Интернационалу. Левые реформисты, в лице В. К. Т. Италии, тянули к Амстердаму, и только коммунисты, и синдикалисты от июля 1920 года до июля 1921 года совместно вели основную борьбу, хотя не во всем были согласны между собой.

Первый с'езд революционных профсоюзов (3—19 июля 1921 года), на котором присутствовали 380 делегатов из 41 страны, окончательно подвел практический и теоретический фундамент под новое революционное профессиональное здание. Была выработана ясная программа действий, намечены основные методы и способы борьбы, выработан устав, установлены взаимоотношения с Коммунистическим Интернационалом, одним словом, Красный Интернационал профессиональных союзов получил законченные организационно-тактические формы. Первый с'езд революционных профсоюзов выявил очень яркие разногласия внутри левого крыла профессионального движения, но это были те же самые разногласия, с которыми приходилось уже встречаться с самого возникновения Временного Международного Совета профессиональных союзов. Разногласия сводились к стремлению связать Москву с Амстердамом, на чем специализировались представители Итальянской Конфедерации Труда, а с другой—оторвать Профессиональный Интернационал от Коммунистического Интернационала, поставив между ними непроходимую стену. В пределах этих разногласий шел спор, шли прения во время двухнедельных работ Первого с'езда. Несмотря на горячие разногласия и пламенные споры, коммунисты и синдикалисты нашли общую почву соглашения, и с'езд дал определенную линию поведения для революционного профдвижения всех стран. Первый с'езд завершил подготовительный период организационного собирания сил. Красный Интернационал профсоюзов, сложившийся как международная организация, приступил к своей деятельности на почве детально разработанных программ и тактических резолюций.

Последний период характеризуется планомерной организационной работой Профинтерна во всех странах. Агитационно-пропагандистская работа переплетается сейчас с организационными задачами, стоящими пред Профинтерном. Революционное профессиональное движение хотя медленно, но растет. Правда, наши сторонники во многих странах остаются внутри старых союзов. Это пребывание внутри старых союзов накладывает определенную печать на примыкающие к нам организации. Профинтерн в одних странах основывает свою деятельность на организационно-оформленных и организационно-самостоятельных единицах, тогда как в других странах он имеет внутри старых союзов только организованную, а иногда и неорганизованную оппозицию. Вот этот двойственный базис Профинтерна является наиболее характерной особенностью его конструкции. Отсюда же вытекают громадные трудности его работы. Профинтерн выдвинул на своем с'езде лозунг завоевания старых союзов в противовес лозунгу нетерпеливых немецких товарищей — уничтожение союзов. Но завоевание союзов предполагает работу внутри старых организмов, а эта внутренняя работа не дает возможности точно учесть сторонников Профинтерна внутри старых профессиональных об'единений. Затруднения сводятся не только к трудности учета, но и к тому, что меньшинства все таки связаны единым аппаратом, в котором они находятся. Им приходится вести борьбу в тяжких условиях против могущественной и прекрасно организованной бюрократии, что не может не отразиться на темпе нашего организационного оформления.

Вот почему, поскольку дело идет о меньшинствах, мы можем давать только приблизительные цифры. Последние несколько месяцев мы замечаем безостановочный рост сторонников Красного Интернационала профсоюзов во всех странах. За это время (начиная со с'езда) присоединились союзы Португалии, большинство чехо-словацких союзов уже на нашей стороне; определилось положение в Италии, где 1/3 Всеобщей Конфедерации Труда за нас; выяснилось положение в Норвегии, где представители местных картелей высказались единогласно за Красный Профинтерн. Исчерпан более или менее вопрос во Франции, где синдикалисты хотя еще формально не примкнули, но по существу ведут работу по линии, намеченной I конгрессом революционных союзов. Складывается революционный Левый Блок в Америке; увеличивается быстро количество сторонников в Англии,— одним словом, Красный Интернационал профсоюзов непрерывно расширяет сферу своего влияния.

Если бы Красный Интернационал профсоюзов ставил перед собой такие же задачи, как Амстердамский Интернационал, то он мог бы считать свое дело уже на девять десятых сделанным. Но Профинтерн не может и не хочет ограничиться ролью информационного и регистрационного бюро. Он стремится создать действительное международное об'единение профсоюзов, т. е. такое об'единение, которое могло бы фактически руководить революционной борьбой рабочих всех стран. Конечно, это потребует долгого времени, ибо национальная ограниченность еще сильно владеет умами широких слоев рабочих. Но мы поставили перед собой эту задачу совершенно ясно. В то время, когда Амстердамский Интернационал останавливается перед этой национальной ограниченностью и считает ее неприкосновенной, возводит ее в перл создания,—мы считаем необходимым разрушить эту стену между рабочими организациями разных стран. А разрушить эту стену можно только лишь путем международных выступлений.

Долог и длителен путь, который предстоит проделать Красному Интернационалу профсоюзов; пройдет еще относительно много времени, пока Красный Профинтерн окрепнет, как международная организация. Для этого необходимо, чтобы профсоюзы крупнейших стран были целиком завоеваны. Но завоевание старых союзов не за горами; в той острой борьбе, которая развертывается сейчас во всех странах, рабочие массы быстро изживают предрассудки. Если Обще-германское Об'единение профсоюзов вынуждено выступить с десятью требованиями, проведение которых в жизнь подрывает самые основы господства буржуазии, стало быть, почва в достаточной степени накалена. Мы основываем нашу тактику не на суб'ективных устремлениях тех или других лиц, а на об'ективном ходе событий. Тактика Профинтерна построена на опыте революционного движения всех стран. Именно поэтому события развиваются, как по писаному. Мы сейчас еще количественно слабее Амстердамского Интернационала: в его составе имеются английские и немецкие союзы, среди которых мы еще в меньшинстве. Но разница между Красным Интернационалом Профсоюзов и Амстердамским заключается в том, что Амстердамский Интернационал идет по нисходящей линии, тогда как Профинтерн идет по линии восходящей. Об'ясняется это тем, что Профинтерн, как и Коминтерн, являются продуктом, результатом революции. Поскольку противоречия внутри старого общества возрастают, и рабочие массы с силой стихии бросаются против враждебных классов поскольку капиталистический пресс продолжает все с большим и большим нажимом давить на рабочий класс, вызывая этим громадную волну негодования и ненависти, которая может закончиться только лишь с уничтожением всей капиталистической системы—постольку Профинтерн будет с каждым днем организационно оформляться, усиливаться и крепнуть.

Вот почему мы с оптимизмом смотрим на будущее. Наш оптимизм основан не на вере, а на знании, на революционно-реалистическом учете соотношений классовых сил. Если капитализм окрепнет и победит в международном масштабе—тогда и Амстердам победит Москву; если же дело идет не к укреплению капитализма, а к его распаду—а в этом не сомневаются и дальновидные буржуа—тогда победа за Красным Интернационалом Профсоюзов обеспечена. Социальная реакция или социальная революция, капитализм или коммунизм—так стоит вопрос в мировом масштабе. Вопрос поставлен и он будет разрешен в нашу пользу, ибо спектр коммунизма уже бродит по всему миру.

А. ЛОЗОВСКИЙ

Международные комитеты пропаганды и действия по производствам.

1-й Конгресс революционных профсоюзов, создавший организационный центр красного профессионального движения, одновременно вплотную подошел к вопросам международного об'единения рабочих отдельных производств.

До войны имелись только зародыши таких об'единений, в виде 30 так называемых международных профессиональных секретариатов. Как и все рабочее движение эпохи 2-го Интернационала, они были рыхлыми об'единениями национальных организаций, ограничивавшимися взаимной информацией и совершенно неспособными к действительно международному руководству борьбой пролетариата. Часто они вовсе не имели собственного аппарата, передавая ведение международных дел в промежутках между Конгрессами соответствующему союзу какой-либо из стран. Война не оставила и следа от этих мнимых международных об'единений, и в каждой стране профсоюзы ревностно взялись за поддержку „своей" национальной буржуазии. По окончании войны на состоявшихся во всех производствах международных профессиональных с'ездах секретариаты были восстановлены большей частью в тех же организационных формах и с теми же лицами во главе. После взаимных попреков и поисков виновников войны, профессиональные бюрократы отдельных стран об'единились и создали общий фронт... для борьбы с революционными элементами пролетариата и продолжения в международном масштабе сотрудничества с буржуазией. Большинство этих секретариатов не входит официально в Амстердамский Интернационал, но тем не менее находится под его полным идейным влиянием, следуя всем его директивам.

По указке Амстердамского Интернационала, напуганного ростом революционной оппозиции, международные секретариаты перешли от обороны к наступлению. На происходивших этим летом международных профессиональных с'ездах они всеми силами пытались помешать выступлениям представителей русских профсоюзов, лишая их права голоса и не останавливаясь перед использованием благосклонного содействия правительств (напр., арест делегатов на международные конгрессы русского союза металлистов и транспортников). Там, где русским делегатам удалось все же добиться слова, их выступления натыкались на глухую стену вражды. Так, на Венском конгрессе делегату русских кожевников заявили: „Вся ваша пропаганда напрасна. Мы уже давно спропагандированы". И только конференция строителей в Инсбруке, не допустившая представителя русского союза, была сорвана вследствие ухода итальянцев и чехо-словаков.

Таким образом Международные Производственные Об'единения находятся до сих пор в руках амстердамских заправил. Одновременно с созываемым Амстердамским Интернационалом на апрель 22-го года международным с'ездом профсоюзов в Риме должна состояться конференция международных секретариатов, на которой предполагается эту связь еще более укрепить и, по всей вероятности, организационно оформить.

Какую же линию наметили по отношению к международным профессиональным секретариатам революционные элементы профдвижения? Конгресс красных профсоюзов стал на ту точку зрения, что союзы, порвавшие с Амстердамским Интернационалом, должны, тем не менее, оставаться в международных профессиональных об'единениях и попытаться завоевать их изнутри. Красные Профсоюзы стоят за единый фронт пролетариата против буржуазии, и организационно раскалывать профдвижение они предоставляют желтым вождям Амстердама. Лишь для организации пропагандистской работы среди рабочих отдельных производств всем союзам, стоящим на точке зрения революционно-классовой борьбы, Конгресс рекомендовал создать международные производственные комитеты пропаганды и действия.

Только в том случае, если амстердамские вожди не остановятся перед исключением из международных об'единений ряда революционных союзов, Конгресс разрешил, по постановлению Исполнительного Бюро Профинтерна, превратить эти центры пропаганды в организационную основу красных международных об'единений.

Во время конгресса и непосредственно после него состоялся ряд совещаний представителей революционных профсоюзов отдельных производств, на которых и были организованы 14 международных комитетов пропаганды и действия. Одни из них (строителей, деревообделочников, отчасти транспортников) уже можно считать представляющими основной скелет красного об'единения профсоюзов, так как к ним присоединился ряд национальных союзов с числом членов, составляющим 30—50% организованных рабочих данного производства. Другие до сих пор связаны лишь с революционными меньшинствами союзов. Комитеты не существуют еще и полугода. Их деятельность, большей частью, находится еще в самой начальной стадии, не выйдя за рамки первоначальной информации. И тем не менее, эти комитеты уже стали важным звеном работы Профинтерна, новыми центрами собирания революционных рабочих масс. Как Межсовпроф, уже самым фактом своего образования, действовал точно кристалл, опущенный в пресыщенный раствор, так весть об образовании этих новых центров содействует оформлению революционных тенденций профдвижения. И несмотря на затруднительность связи, на слабость аппарата и ряд организационных затруднений, мешавших развернуть работу достаточно широко, влияние международных комитетов растет и крепнет.

В настоящий период международной борьбы их роль становится особенно важной. Инициатива наступления находится теперь в руках мирового капитала. Борьба оказывается более длительной и упорной, чем мы предполагали в 19—20 г., во время бурного наступления пролетариата. И как в экономической политике Советской России; мы от штурма капиталистической крепости перешли к систематической осаде, так и в международной борьбе революционные элементы профдвижения должны сорганизоваться для планомерной, упорной осады по всем правилам стратегии.

В борьбе с наступлением капитала красные профсоюзы использовывают и обобщают каждое движение рабочих, каким бы мелким оно ни казалось. Уроки наступления капитала с отчетливой ясностью показывают, как неразрывно связаны в настоящую эпоху все мелкие требования рабочих масс с общей борьбой за диктатуру пролетариата. И вот, при такой обстановке, вести систематическую пропагандистскую работу, связанную с гущей рабочей жизни, с насущными требованиями масс, можно только применяясь к особенностям каждого производства, заменив общие призывы и революционные слова реальной, конкретной программой действий. А это возможно только опираясь на специальные вспомогательные аппараты Международных Комитетов пропаганды и действия. Работая под постоянным контролем Профинтерна, подчиняя каждый свой шаг общеклассовым интересам пролетариата, они сорганизуют и подготовят рабочих отдельных производств к решительной борьбе за диктатуру пролетариата.

М. РУБИНШТЕЙН

ПОДСЧЕТ СИЛ.

Дать в настоящее время точные и исчерпывающие цифровые данные о всех профессиональных организациях, примыкающих к Красному Интернационалу Профсоюзов,—это задача весьма сложная. Мы имеем здесь дело, с одной стороны, с присоединившимися к нам общенациональными центрами профсоюзов, а с другой стороны—с революционными меньшинствами целого ряда стран. Что касается первой групы (общенациональных центров), то Профинтерн располагает точными данными не подлежащими никаким сомнениям. В отношении же революционных меньшинств нужно отметить следующее: в тех странах, где революционные меньшинства успели создать свои собственные революционные центры, как например: Франции, Германии, Чехо-Словакии и т. д., произвести учет наших сил не трудно, но там, где революционные меньшинства такого центра не имеют, приходится производить учет наших сил по соответствующим резолюциям, заявлениям на различных рабочих собраниях, конференциях и с'ездах. Поэтому в некоторых случаях можно дать о численности наших единомышленников только приблизительную цифру. В виду того, что эти цифры мы определяем на основании газетных сведений и из иностранной печати и специальных докладов (а ведь не все в прессу попадает), они не являются преувеличенными, а скорее неполными и уменьшенными.

Трудность подсчета революционных меньшинств вытекает еще из общих тактических и организационных принципов Профинтерна. Тактика Профинтерна заключается не в том, чтобы революционные меньшинства выделить в отдельные красные союзы, которые существовали бы параллельно со старыми, а в том, чтобы эти меньшинства, оставаясь внутри желтых союзов, вели борьбу за их завоевание. Таким образом, эти меньшинства являются одновременно членами данного союза, примыкающими через свои центральные об'единения к Амстердаму, и членами Красного Интернационала, проводящими в жизнь все его решения и постановления.

Несмотря на сравнительно недолгое существование Профинтерна (16 месяцев от создания инициативного международного ядра), мы можем смело констатировать тот бесспорный факт, что Красный Интернационал Профсоюзов, по численности присоединившихся к нему организаций, является крупным международным центром, руководящим многочисленной пролетарской армией. Приводимые нами статистические данные указывают, без комментариев, насколько была исторически назревшей необходимость создания международного революционного классового об'единения профсоюзов, в противовес существующему Амстердамскому Интернационалу, проповедующему классовый мир и сотрудничество с буржуазией.

Когда, 16 месяцев тому назад, накануне II Конгресса Коминтерна, представителями нескольких национальных об'единений и революционных меньшинств была выработана декларация, учреждающая Временный Международный Совет Профсоюзов, и был брошен лозунг о необходимости создания революционного Интернационала Профсоюзов,— весь пролетарский мир подхватил с такой необычайной силой этот лозунг, что на долгое время вызвал длинные, страстные споры внутри профессиональных об'единений, начиная от Международных Конгрессов и кончая отдельными предприятиями, в самых глухих уголках земного шара. В истории профдвижения не было такого популярного и волнующего вопроса, как вопрос: „Москва или Амстердам". Почти целый год до I Учредительного Международного Конгресса Профсоюзов этот вопрос не сходил со столбцов профессиональной печати и дебатировался на всех рабочих собраниях, митингах, с'ездах, конференциях и т. д. И это вполне понятно, ибо от решения этого основного вопроса зависела, в значительной степени дальнейшая судьба мирового профдвижения. Дело шло не только о формальном присоединении к Москве или Амстердаму, но перед пролетариатом был поставлен ребром вопрос: „сотрудничество классов или революционная классовая борьба с буржуазией?"

Путь был намечен правильный, и несмотря на ожесточенную борьбу, которую повел против нового Интернационала Амстердам, силы и влияние нового идейного центра были так велики, что в конце мая 1921 года за Временный Совет Профсоюзов высказалось 16.393.000 членов, что явилось, отчасти, неожиданным даже для учредителей Временного Международного Совета.

По странам высказались следующие организации:

(См. таблицу в конце статьи).

Итого 34 страны, включая сюда Россию со всеми ее союзными республиками.

Общенациональных центров, высказавшихся за Красный Интернационал Профсоюзов, было 10: Россия, Румыния, Болгария, Юго-Славия, Греция, Италия, Испания, Норвегия, Аргентина и Финляндия. Из отдельных союзных об'единений высказались Индустриальные Рабочие Мира (Америки, Англии, Австралии); Всеобщий Рабочий Союз в Мексике и Гельзенкирхене (Германия). Всеобщий Рабочий Союз Германии (руководимый коммунистической рабочей партией); целый ряд синдикалистских об'единений Германии, Италии, Дании, Швеции, Голландии, Швейцарии и т. д.

Кроме того, как мы видим, за Москву высказались крупные меньшинства профсоюзов таких стран, как: Франция, Чехо-Словакия, Польша, Англия, Соединенные Штаты, Австралия, Новая Зеландия, Канада и меньшинства почти всех европейских и заокеанских стран.

Такое же, приблизительно, количество было представлено 380 делегатами от 41 страны на 1-м Учредительном Конгрессе Профсоюзов в Москве (от 3—19 июля 1921 года).

Учредительный Конгресс решил организационно закрепить все профоб'единения, высказавшие свою солидарность с Красным Профинтерном, дабы сразу устранить неустойчивые элементы в своей среде и одновременно с этим открыть двери новым революционным рабочим организациям.

Этим же Конгрессом выработано и вынесено следующее постановление:

Коммунистический Интернационал и Интернационал Красных Профсоюзов.

Мировой пролетариат имеет сейчас два международных революционных центра: III Коммунистический Интернационал и Профинтерн. Существование этих двух центров вызывает довольно различное к себе отношение: в то время, как русские товарищи, в интересах единства борьбы пролетариата, склонны отстаивать возможно более тесную связь между двумя Интернационалами, вплоть до полного об'единения, многие итальянские, французские и испанские профессионалисты стоят за обособленность Красного Интернационала Профсоюзов от Коминтерна, исходя при этом из принципа независимости профорганизаций от политических партий.

Разрешить этот вопрос нельзя одними отвлеченными рассуждениями на тему о лучших формах организации. Необходимо рассмотреть историю этого вопроса, так как только на почве уже сложившихся отношений можно строить здание будущего. Это соображение легло в основу резолюции о задачах Профинтерна, принятой 4-м С'ездом Профсоюзов в России. Резолюция эта, отстаивавшая принцип возможно большего единства между Коминтерном и Профинтерном, подчеркивала, что в решении этого вопроса русские профсоюзы, как организованный отряд мирового пролетариата, подчинятся решениям Международного Конгресса Красных Профсоюзов.

История этого вопроса такова.

1-й Интернационал, основанный в 1864 году под непосредственным руководством Карла Маркса и носивший название „Международного Товарищества Рабочих", об'единял безразлично как политические, так и профессиональные организации рабочего класса. Своим значением 1-й Интернационал был в значительной степени обязан именно своему прямому участию в стачечной и экономической борьбе рабочего класса.

Можно даже сказать, что в первом Интернационале профессиональные организации превалировали, так как вполне устойчивых массовых социалистических партий тогда еще не было, и политические организации были скорее комитетами пропаганды социалистических идей.

Положение совершенно переменилось ко времени II Интернационала, начало которому положено международным с'ездом 1889 года.

К этому времени во всех государствах Европы сложились довольно крупные социал-демократические партии. Оставляя своей конечной целью социальную революцию, эти партии считали нужным использовать все легальные возможности буржуазного государства и, в частности, парламентскую борьбу для завоевания максимума необходимых пролетариату реформ. 2-й Интернационал явился международным об'единением этих партий. Профессиональные союзы участвовали в нем, по общему правилу, лишь в той степени, в какой они были связаны с социалистическими партиями своих стран. Профессиональные организации романских стран (Франция, Испания, Португалия), стоявшие в большинстве на анархо-синдикалистской точке зрения, отмежевались от Интернационала. Точно также не принимали в нем участия английские тред'юнионы, которые в первые годы существования 2 Интернационала не дошли вообще до идеи самостоятельной политики рабочего класса. Представлены были только примыкавшие к социал-демократическим партиям профсоюзы Германии, Австрии, Бельгии и России (в России существовали тогда небольшие нелегальные союзы, организованные социал-демократами).

В начале 20-го столетия возрождается идея международного об'единения профсоюзов независимо от их политической линии. Создается Международный Секретариат профсоюзов с центром в Берлине. Синдикалисты романских стран занимали в нем крайнюю левую. Боевым об'единением мирового пролетариата этот Международный Секретариат не был, и по существу роль его сводилась к функциям информационно-статистического бюро.

Мировая война оборвала все международные связи. За небольшими исключениями почти все социалистические партии и профессиональные союзы впряглись в колесницу мирового империализма и с пеной у рта звали рабочих убивать друг друга во имя „защиты отечества от иноземных варваров". Исключение не представляли и революционные синдикалисты романских стран.

Пока шла война, были только две попытки воссоздать международное об'единение рабочих. Мы говорим о Циммервальдской и Киентальской конференциях анти-милитаристских рабочих организаций. На обоих этих конференциях принимали участие как политические, так и профессиональные организации рабочего класса (французский союз металлистов, Итальянская Конфедерация Труда и др.).

Родившийся из этих конференций, после победы Октябрьской Революции в России, 3 Интернационал, казалось, должен был возродить традицию I Интернационала о создании единого мирового центра, который должен был руководить революционным движением всех пролетарских организаций: партийных, профессиональных, кооперативных и др. Эту мысль определенно отстаивал председатель Исполкома Коминтерна, тов. Зиновьев. Синдикалистские организации, враждебно относившиеся к социалистическим партиям 2-го Интернационала в виду их оппортунистического увлечения парламентаризмом, с симпатией отнеслись к новому международному революционному центру. Во Франции существовал комитет 3-го Интернационала, куда входили как социалисты из партии (будущие коммунисты), так и представители революционного меньшинства конфедерации труда. Испанская конфедерация труда и итальянский союз синдикалистов заявили о своем присоединении к 3-му Интернационалу. Но после присоединения к 3-му Интернационалу старой французской социалистической партии былое недоверие синдикалистов к политическим организациям возобновилось. Ко времени 1-го Конгресса Профинтерна мы замечаем со стороны революционных синдикалистских организаций Италии, Испании и Франции стремление не только отмежеваться от 3-го Интернационала, но и не допустить прямой связи между ним и Профинтерном. Руководителям Конгресса, целью которых было во что бы то ни стало создать единый революционный центр мирового профдвижения, пришлось считаться с этой тенденцией. Принятая на с'езде резолюция, подчеркивающая идейную связь с Коминтерном и необходимость возможно более тесной органической связи, сохраняет однако полную самостоятельность обоих организаций. Связь же между ними устанавливается взаимным представительством в руководящих центральных органах Коминтерна и Профинтерна. На этой почве удалось об'единить почти все делегации, за исключением французской, которая, по причинам внутрифракционных трений в самой Франции, была принуждена занять непримиримую позицию. Впрочем, почти все члены французской делегации заявили, что, будучи сторонниками самостоятельности профессионального движения, они тем не менее не считают, чтобы принятая на с'езде резолюция могла послужить поводом к разрыву с Красным Профинтерном.

По существу, однако, условия современной действительности, независимо от тех или иных организационных форм, толкают Профинтерн к возможно более тесному и регулярному сотрудничеству с Коминтерном. Мировая буржуазия во всем мире повела против пролетариата поход во всех областях его завоеваний: на Балканах она разгоняет как коммунистические организации, так и примыкающие к ним революционные профсоюзы; она ведет наступление против заработной платы и 8-ми часового рабочего дня; она продолжает свои козни против Советской России, снабжая оружием Польшу и Румынию и, с цинизмом истинного Шейлока, вымогая долги царского правительства; вся финансовая политика, все так называемое „рабочее законодательство" превращается в орудие закабаления пролетариата.

Борьба с этим наступлением капитала ставит как 3 Интернационал, так и Профинтерн перед прямой необходимостью об'единить свои усилия и, путем совместных обсуждений и выступлений, координировать свою деятельность.

Нашим идеалом остается создание об'единенного руководящего органа мировой революции, и мы создадим этот орган, когда жизнь опрокинет все старые перегородки и заставит пролетариат сплотиться воедино против стоящих по ту сторону баррикады капиталистов и их слуг из соглашательского лагеря.

Только в полном идейном и организационном единстве своих сил пролетариат возьмет штурмом эту баррикаду и водрузит над развалинами прогнившего капиталистического мира знамя труда и революции.

С. ГАЛЬПЕРИН.

Борьба за овладение немецкими профессиональными союзами.

Немецкие профессиональные союзы—чисто рабочие организации. Нерабочие не имеют к ним доступа. И, тем не менее, немецкие профессиональные союзы ныне являются важнейшей опорой буржуазной республики и капиталистического хозяйства. За годы войны и в последовавший за нею период немецкие профессиональные союзы превратились из органов рабочего движения, направленного к улучшению условий жизни пролетариата внутри капиталистического строя, в органы власти буржуазии, имеющие целью поддержание экономического и политического могущества немецкой буржуазии... И только потому, что немецкой буржуазии удалось обратить боевые органы пролетариата в органы своего господства, она сумела остаться господствующим классом, несмотря на военное положение.

Немецкая профессиональная бюрократия боялась борьбы против войны и поэтому соединилась с государственной властью, ведущею эту войну. В награду за податливость буржуазия бросила рабочему классу кой-какие подачки. Немецкие рабочие были захвачены войной врасплох, забыли все прежние торжественные боевые выступления против войны и позволили своим вождям отправить себя в качестве индиферентного пушечного мяса для немецкой военной машины. Социал-демократическая партия и немецкие вожди профессиональных союзов не встретили в своем предательстве сопротивления пролетариата потому, что немецкий рабочий класс частью был охвачен искусственно созданным воинственным настроением, частью же был неспособен к революционной борьбе против войны и за захват политической власти. Эта неспособность есть непосредственный продукт развития немецкого рабочего движения в довоенный период. Еще за несколько лет до начала войны был пройден высший пункт того западно-европейского движения, которое прежде всего в Германии получило свое полное развитие. Уже до начала войны можно было заметить в немецком и западно-европейском рабочем движении искание новых форм. Вопрос о цеховых организациях и производственных союзах обсуждался в различных совещаниях профессиональных организаций. В частности, вопрос о слиянии всех профессиональных союзов для единой борьбы против промышленных синдикатов и государственной власти обсуждался на последнем конгрессе профессиональных союзов в 1914 году. Классовые противоречия между пролетариатом и предпринимателями достигли такого напряжения, что в обоих лагерях начались приготовления к жесточайшим битвам. Промышленники, представлявшие собой единую организацию, приготовляли нападение, опираясь на государственную власть Вильгельма. Избирательное право, свобода союзов и стачек рабочих должны были быть уничтожены. И все это не потому, что немецкий пролетариат приготовлялся к борьбе за власть, опираясь на свои профессиональные и политические организации. Это напряжение получилось в результате решительной борьбы, которую немецкие профессиональные союзы довоенного времени вели за улучшение условий труда внутри существующего капиталистического общества при принципиальном признании капиталистической государственной власти, ограничивая свои притязания лишь правом на участие в определении условий труда и требованием новых реформ. Эта весьма действительная борьба за непосредственные интересы рабочих так надоела капиталистическим властелинам, что они готовы были пустить в ход все средства для разгрома рабочих организаций. Немецкое и западно-европейское профессиональное движение отличается от русского, а также балканского движения тем, что ему удалось легальными путями вовлечь в эту борьбу за политические реформы и улучшение условий жизни пролетариата большие массы, несмотря на господство капиталистов в Германии. Немецкие профессиональные союзы насчитывали в 1914 году 2.500.000 профессионально-организованных рабочих, об'единенных в 57 центральных профессиональных организаций. Социал-демократическая партия поддерживала эту борьбу профессионалистов, отвоевывая политические реформы при помощи миллиона организованных рабочих и путем использования буржуазного парламента. Политическая и профессиональная борьба была двумя сторонами одной и той же борьбы, которую рабочий класс вел за улучшение условий своего существования внутри капиталистического государства.

Эта форма борьбы была возможна в Германии и вообще на Западе, так как быстро развивающийся капитализм был в состоянии поставить рабочий класс в такие условия существования, которые, в общем и целом, обеспечивали пролетарию известный минимум его потребностей.

С 1905 г. профессиональные союзы и социал-демократическое движение все более и более растут количественно. Но их фактическое влияние становится все слабее, борьба за реформы и улучшение условий труда становится невозможной. Только одна борьба еще возможна,—это борьба за политическую власть. Оба тяжущихся боятся этой борьбы и избегают ее. В периоды промышленных кризисов в широких пролетарских слоях возникает серьезное желание поднять революционную борьбу за власть. В периоды хозяйственного расцвета эта революционная воля и власть понижается в пролетариате. И вот на пути этого развития стала мировая война.

Война и военный разгром совершенно уничтожили всякую базу для политики реформ и возможности улучшения жизни рабочих при дальнейшем существовании капиталистического господства. Большая часть профессионально организованного пролетариата живет еще предрассудками довоенной эпохи. Часть старейших организованных рабочих думает найти предпосылку к интенсивной борьбе за реформу капитализма через изменения государственных форм, через превращение монархии в демократическую республику. Они не верят, что, именно вследствие экономической катастрофы, капитализм может удержать свое господство только в форме самой грубой диктатуры и безграничной эксплоатации. Монархия или республика—в нынешней фазе катастрофы это только прикрытие и затушевывание более или менее открытой диктатуры буржуазии. Тот факт, что непосредственно после военной катастрофы безмерный товарный голод, созданный в Германии четырехлетней блокадой Антанты, вызвал преходящий расцвет, и то обстоятельство, что капиталистические предприниматели, ослабленные военным разгромом, вынуждены были допустить кой-какое повышение заработной платы и демократическую форму государства, ослепили многих работников старой школы еще больше. Маленький революционный авангард, который в 1918—1919 г. предпринял революционную борьбу для изменения общественного порядка, т. е. за установление пролетарской диктатуры, был разбит. Он был разбит потому, что буржуазия сумела использовать мелко-буржуазную идеологию внутри рабочего класса. Поражение революционных передовых борцов еще более смутило рабочие массы, и, прежде всего, колеблющийся средний слой отступил от революционной борьбы и частью устремился открыто в контр-революционный лагерь, ибо неудачу социал-демократических вождей он принял за крах социализма.

Три года послевоенного хозяйничанья и политического господства буржуазии вместе с бюрократией профессиональных союзов и при ее помощи основательно разрушили мелко-буржуазные демократические иллюзии. Сильнейшие опорные столбы капиталистической государственной власти прогнили и начинают колебаться. Больше всего испытывают нужду мелкие и средние служащие, промышленные и торговые агенты, занимающие руководящие места. Слои, которым раньше одна только мысль о стачке внушала ужас, сами борются теперь с оружием стачки в руках за существование. Результатом этих битв за повышение содержания является только незначительное повышение платы, которое ни в коем случае не находится в соответствии с гигантским ростом цен на предметы первой необходимости.

Все больше укрепляется в этих кругах, а также в широких слоях рабочего класса, мысль о необходимости завоевания политической власти для установления коммунизма, все больше рассеиваются реформистские иллюзии. Предательская роль профессиональной бюрократии сознается все больше и больше, и рабочий класс готовится к сопротивлению. Типическим примером этого является резолюция берлинских работников трамвая, которую они приняли по поводу последнего саботажа, который профессиональная бюрократия учинила во время движения за повышение заработной платы. Она гласит:

„Состоявшееся 7 ноября собрание мастерских вокзала 17 с возмущением узнает об истинном положении вещей. Она видит в этом только одно: полное порабощение рабочего класса. Мы сами решительным образом протестуем против действий профессиональных союзов и их тактики, так как до сих пор профес. союзы не проявили себя положительно в борьбе против эксплоатации рабочего класса. В этот последний час мы говорим вам, сытым и сидящим в мягких креслах: если вы хотите сохранить рабочему классу хотя бы только жизнь, то откройте борьбу против ростовщичества действиями, а не только пустыми словами. Если же вы и от этой борьбы уклонитесь, то мы вместе с вами погибнем. Мы обещаем вашим заводским советам полную поддержку, и поэтому мы призываем также и вас, которым мы оказали свое доверие: предпримите все возможное для спасения нас от медленной голодной смерти."

Коммунистическая партия пытается всеми силами использовать, для создания единого революционного фронта, давление экономической нужды и предательство бюрократии профсоюзов. В тот день, когда удастся против воли меньшевистской профессиональной бюрократии повести в бой массы профессиональных союзов под руководством коммунистической партии,—победа немецкой революции станет действительностью.

Г. БРАНДЛЕР.

Револ. синдикалисты и Профинтерн.

Резолюция по поводу взаимоотношений между Коминтерном и Профинтерном, принятая I Международным Конгрессом Красных Профсоюзов, первое время была предметом горячих дебатов среди некоторых групп революционных синдикалистов Западной Европы, особенно во Франции и Испании. Но когда наши испанские товарищи узнали, что самые видные синдикалисты, принимавшие участие в работах Конгресса, являлись горячими сторонниками Москвы, что никому из них и в голову не приходило, будто резолюция или принятый устав, хотя бы в малейшей форме, затрагивают автономию профдвижения; когда они узнали, что даже представители самых крайних течений революционных синдикалистов Франции (Сироль, Годо, Лабон и др.) разделяют этот критерий,—они поняли, что поднятая кампания носит скорее контр-революционный, чем принципиальный характер. Эти атаки, направленные против нашего Революционного Интернационала Красных Профсоюзов, были подхвачены буржуазной прессой и пропагандистами „социального мира", в один голос утверждавшими, что Красный Профинтерн в конечном итоге будет подчинен Коминтерну.

Мы утверждали, и повторяем это еще раз, что не о подчинении шла речь на Конгрессе, а о координации всех революционных сил, чтобы осуществить общую нашу цель, и эту координацию мы не только не могли, но должны были принять. И мы нисколько не раскаиваемся, ибо уже одно то, что мы создали против буржуазии и желтых амстердамцев новую международную организацию, об'единяющую вокруг себя около 17 миллионов рабочих, воодушевленных и стремящихся к одной и той же цели — свергнуть капиталистический строй и построить коммунистический,—само по себе имеет крупное значение.

Ожесточенная борьба, поднятая нашими классовыми врагами и предателями пролетарского дела, в роде Жуо, Удегеста и Ларго Кабаллеро, против Красного Профинтернационала, ясно говорит за то, что он является для них серьезной угрозой.

Конечно, было бы наивно думать, что все наши частные взгляды и точки зрения каждой из представленных организаций в отдельности могли быть приняты Конгрессом; при подобном положении всякое международное соглашение было бы невозможно. Речь шла о создании Интернационала действия, а для этого достаточно было прийти к соглашению только по некоторым вопросам.

Во многих вопросах мы шли на уступки, уступали и коммунисты, ибо мы сознавали, что раз борьба началась между Москвой и Амстердамом, место революционного пролетариата, несомненно, должно быть об руку с Москвой.

АНДРЕС НИН.
Секрет. Испан. Нац. Конфедерац. Труда.

„Членом Красного Интернационала Профсоюзов может быть всякая революционно-классовая экономическая организация, которая принимает нижеследующие условия:

1) Признание принципов революционно-классовой борьбы;

2) Проведение в жизнь этих принципов с своей повседневной борьбой с капиталом и буржуазным государством;

3) Признание необходимости низвержения капитализма, путем социальной революции и установления для переходного времени диктатуры пролетариата;

4) Признание и подчинение международной пролетарской дисциплине;

5) Признание и проведение в жизнь решений Учредительного Конгресса Красного Интернационала Профсоюзов;

6) Разрыв с Амстердамским желтым Интернационалом;

7) Единство действий со всеми революционными организациями и коммунистической партией страны во всех оборонительных и наступательных действиях против буржуазии".

Такая постановка вопроса внесла сразу определенную ясность в туманные позиции некоторых организаций, примкнувших к нам на словах, а не на деле. Первой поколебалась Всеобщая Конфедерация Труда Италии. Она сидела спокойнейшим образом на двух стульях, т. е., не выходя из Амстердама, хотела, одновременно, оставаться в Москве. Прижатая к стенке поставленным Профинтерном вопросом „или—или" она решила остаться в Амстердаме, признав одновременно резолюцию о необходимости руководства в своей работе основными принципами Профинтерна.

При голосовании из общего числа свыше 1.800.000 членов, насчитывающихся к ВКТ Италии, за Москву высказалось около 500.000 членов, что вместе с остальными, примыкающими к нам итальянскими организациями составляет около 800—900 тысяч всех организованных в профсоюзы рабочих, т. е. 33% членов всех профоб'единений Италии, которые стоят на нашей платформе. Таким образом, Профинтерн потерпел в Италии поражение, которое внесло определенную ясность и отчетливость в сознание итальянского пролетариата и обеспечило нам скорейшую победу.

Другой колебавшейся организацией был Центральный Совет Норвежских Профсоюзов. Последний все время пытался оттянуть окончательный ответ о присоединении, сделав его зависимым от очередного с'езда норвежских профсоюзов, который должен состояться не раньше, чем в 1923 году. И только недавно состоявшаяся конференция местных картелей вынесла постановление, чтобы Секретариат Центрального Совета Норвежских Профсоюзов поставил вопрос об окончательном присоединении на референдум, который состоится в феврале—марте 1922 года. Судя по настроениям масс, мы можем заранее определить, что победа за Красным Профинтерном обеспечена. Самый факт постановки этого вопроса на референдум есть уже победа.

Отошли от Профинтерна некоторые синдикалистские группировки, как, например, в Германии, ибо для них не вполне приемлемы условия вступления и они не захотели подчиниться постановлениям и решениям Конгресса. Для некоторых решения конгресса до сего времени являются пока предметом дискуссий.

Разгон юго-славянских профсоюзов, которые целиком примыкали к Профинтерну, имел, естественно, печальные результаты. Восторжествовавшая буржуазия в Юго-Славии разрешила только существование реформистским профоб'единениям, которые, естественно, имеют право примкнуть только к Амстердаму.

Но ряды Профинтерна после Конгресса не только не редели, но, одновременно, пополнялись новыми, свежими притоками сил. Так, в Чехо-Словакии Профинтерн завоевал большинство. Из общего числа 1.500.000 членов за Профинтерном стоит определенное большинство в 2/3 общего числа. Одержаны победы и в Германии, где об'единились распыленные революционные группировки, стоящие вне общегерманского профоб'единения, увеличились и ряды среди германских революционных меньшинств.

Делегатом от Португальской В К Т официально заявлено о близком формальном присоединении Португальской ВКТ (100.000 членов). В Мексике ряды наших сторонников увеличились. Заметен быстрый рост сил и влияния Профинтерна в Польше, Англии, Соединенных Штатах. Профинтерном завоевано большинство почти во всех профсоюзах прибалтийских стран. Следует также отметить рост революционных сил во Франции, где Комитет Рев. об'единяет фактическое большинство организованных членов.

Кроме того, в отдельных странах не перестают присоединяться к Профинтерну все время отдельные профорганизации. Что же касается общенациональных организаций, которые высказались за Москву еще до Учредительного Конгресса,—то они, кроме Италии, подтвердили свои постановления и организационно вошли в состав Красного Профинтерна, приняв условия вступления.

Какова же численная сила Профинтерна в настоящий момент? Если принять во внимание, с одной стороны, те организации, которые отошли от нас, и с другой стороны—цифру пришедших к нам, то общая цифра всех примкнувших превышает 17 миллионов, т. е. в полтора раза больше, чем число членов профсоюзных организаций в 1912 году. По своей численности Профинтерн об'единяет сегодня больше, чем одну треть всего мирового пролетариата, организованного в профсоюзы.

В этой многомиллионной армии, насчитывающей до 50.000.000 рабочих, формально преобладающую роль играет еще Амстердам, определяющий свои ряды числом в 22.000.000 организованных членов. Остальные 11.000.000 падают на: 1) христианские профсоюзы и 2) так называемые либеральные (Гирш-Дункеровские), на дикие и неопределившие до сих пор своего отношения к международным об'единениям.

Что касается христианских и остальных профсоюзов, то они ни при каких условиях не могут играть руководящей роли в профдвижении. История осудила их на прозябание. Идет на убыль и Амстердам. Об'ективные же условия развития профдвижения указывают на бесспорный факт близости того момента, когда Красный Интернационал Профсоюзов овладеет всем мировым профдвижением и будет руководить им. На долю его и Коминтерна выпадет славное дело—повести эту многомиллионную армию пролетариев на окончательный бой с капиталом.

	На 30 мая 1921 г. за Профинтерн высказалось.	На 31 октября 1921 г.
1. Россия	6.500.000 член.	Без измен.
2. Германия:		
а) Революционное меньшинство из „Общегерманского Совета Профсоюзов"	2.000.000 »	Число членов увеличилось.
б) Всеобщий Рабочий Союз Гельзенкирхена	140.000 »	
в) Всеобщий Рабочий Унион	120.000 »	Выбыли из состава Профинт.
г) Синдикалисты	50.000 »	
3. Австрия:		
а) Меньшинство профсоюзов с общим количеством членов	20.000 »	Увеличилось.
4. Швейцария	50.000 »	»
5. Венгрия	96.000 »	Точных данных нет, профсоюзы в подполье.
6. Чехо-Словакия	400.000 »	Увеличилось на 300—400.000 новых членов.
7. Польша	250.000 »	Увеличилось.
8. Румыния	90.000 »	Без измен.
9. Болгария	55.000 »	»
10. Юго-Славия	200.000 »	Профсоюзы в разгоне.
11. Франция	300.000 »	Увеличилось.
12. Греция	50.000 »	Без измен.
13. Турция	15.000 »	»
14. Бельгия	10.000 »	Дальнейших сведений нет.
15. Италия	3.000.000 »	Уменьшилось на 2/3.
16. Испания	698.000 »	Без измен.
17. Португалия	35.000 »	Увеличилось.
18. Швеция	50.000 »	Без измен.
19. Норвегия	119.000 »	Увеличилось.
20. Голландия	40.000 »	Без измен.
21. Дания	5.000 »	»
22. Финляндия	60.000 »	»
23. Англия	400.000 »	Увеличилось.
24. Соединенные Штаты	450.000 »	Без измен.
25. Канада	121.000 »	»
26. Мексика	129.000 »	Увеличилось.
27. Аргентина	180.000 »	Точных сведений нет.
28. Австралия и Новая Зеландия	400.000 »	»
29. Южная Африка	60.000 »	Без измен.
Другие страны: Литва, Латвия, Дальний и Ближний Восток и др.	300.000 »	Увеличилось.
Итого	16.393.000 член.	

Ф. НОНАР.

Английское профдвижение и Профинтерн.

Когда Временный Международный Совет Профессиональных и Производственных Союзов решил создать Бюро в Англии, как подготовительную меру к завоеванию английского профдвижения, он вполне сознавал колоссальный об'ем предстоящей задачи. Английское профдвижение, как известно, родилось на почве потрясающего промышленного переворота, принесшего с собой для пролетариата длинный ряд кровавых страданий. Существуя уже свыше 100 лет, оно стало самым консервативным движением во всем мире. Само собою понятно, что сломить такое консервативное движение, насчитывающее 6½ миллионов членов, и двинуть его на революционный путь является нелегкой задачей.

Кампанию в печати от имени Красного Интернационала открыл тов. Цыперович в Workers Dreadnaught (Рабочем Дредноуте), в котором он наложил задачи Профинтерна. В декабре 1920 года Красное Британское Бюро находилось в Манчестере, откуда легко оказывать влияние на революционный район на Клайде, на Йоркширские шахты и крупные промышленные центры: Ливерпуль, Шеффильд и Гулль. Непосредственная задача Бюро состояла в том, чтобы обеспечить для предстоящего Конгресса как можно более полное представительство официальных делегатов различных национальных союзов и, что еще важнее, добиться присоединения последних к Красному Профинтерну. Предварительная работа носила поэтому чисто пропагандистский характер. Некоторым товарищам, зарекомендовавшим себя в профдвижении в качестве авторов работ по экономическим вопросам, было поручено написать целый ряд статей относительно Профинтерна во всех доступных органах профсоюзной печати. Кроме того, от 2-х до 4-х статей еженедельно печатались в „Solidarity“ (Солидарность), органе, излагающем взгляды английского движения фабрично-заводских старост, и в „Worker“ (Рабочий), шотландском органе фабзавкомов, по особому соглашению с редакциями этих газет.

К овладению старыми тред-юнионами была сделана попытка подойти через местные секции этих юнионов (которых в одной Англии насчитывается свыше 50 000), а не через их центральные правления. Но, в громадном большинстве случаев, секретари отделов были реакционны не менее вождей центральных органов. Они не давали хода литературе Профинтерна и утаивали от массы, которой они должны были служить, все сообщения Британского Бюро. Этот бойкот, эта политика замалчивания является излюбленным маневром „желтых“ союзных бюрократов. Несмотря на эти и другие затруднения и также на то, что Бюро не располагало собственным органом для широкого распространения среди нереволюционных масс, ему все-таки удалось достигнуть блестящих результатов.

Первый шаг в сторону присоединения к Профинтерну был сделан состоявшимся в апреле с. г. годичным с'ездом юнионов Шотландии. С'езд этот большинством 5. голосов против 50 высказался за присоединение, причем 40 делегатов воздержалось от голосования. 3 месяца спустя это постановление с'езда, наперекор определенной воле рабочих масс, было сведено на нет технически-формальными махинациями реакционных вождей.

В мае в Лондоне состоялось совещание сторонников Красного Профинтерна, в котором принимали участие 300 делегатов от 238 местных секций тред юнионов. Совещание постановило „обязать рядовых членов каждой местной секции сделать все от них зависящее для развития сил и влияния Красного Профинтерна, обратиться к Конгрессу Тред-Юнионов с призывом порвать все связи с Амстердамом и присоединиться к Москве, послать делегатов на Первый Учредительный Конгресс Профинтерна и сделать все необходимое для проведения в жизнь этих резолюций“.

Тов. Поллит прочел на этом совещании доклад о деятельности районного Комитета Красного Профинтерна, из которого видно, что в разных цеховых союзах состоялось около 100 собраний и что выпущено свыше 25 тысяч листков и воззваний о Конгрессе Шотландских Тред-Юнионов (см. „Бюллетень“ № 4 Красного Профинтерна).

Во время грандиозного локаута углекопов (в 1921 г.) Бюро развернуло очень широкую пропаганду в разных районах каменноугольного бассейна. В течение этих 3 недель борьбы многочисленные сторонники Красного Профинтерна изо дня в день вели горячую пропаганду основных положений программы Профинтерна. За эту деятельность десятки наших товарищей были арестованы. Результатом всей этой агитации явилось замечательное присоединение к Профинтерну Южно-Уэльской Федерации углекопов.

Резолюция о присоединении к Москве не была предложена Конгрессу Тред-Юнионов, состоявшемуся 5 сентября в Кардифе, но, вместе с тем, тов. Поллит в блестящей речи развернул перед Конгрессом сущность Красного Профинтерна и призывал его присоединиться к Москве. Представитель консервативного течения в тред-юнионизме, Роберт Смайлли, в своей речи по поводу Вашингтонской Конференции о разоружении, возражал тов. Поллиту. В связи с этим, необходимо отметить, что ни одна рабочая газета ни словом не обмолвилась относительно замечательного по своей логичности и силе аргументации выступления тов. Поллита, и только буржуазная газета „Manchester Guardian“ действительно сообщила своим читателям об этом эпизоде. Этот факт является достаточным доказательством того, что профсоюзные вожди полновластно распоряжаются рабочей прессой и, кроме того, когда их интересы этого требуют, могут влиять и на буржуазную печать, вопреки всем их ламентациям, когда им приходится об'яснять массам причины своих поражений.

Тем не менее, Кардифский Конгресс не прошел без всяких результатов для Британского Бюро. Во время конгресса Томом Манном были организованы собрания и митинги кардифских рабочих и специальные митинги были устроены в рабочие часы для безработных. На вечерних митингах были забронированы места для делегатов Конгресса, которых пригласили воспользоваться случаем и бомбардировать сторонников Красного Интернационала всевозможными вопросами относительно Москвы, Бюро, организации производственных союзов и задач и стремлений Красного Профинтерна. Кроме того, всех делегатов Конгресса снабжали всей литературой и брошюрами Московского Интернационала для того, чтобы дать им возможность во всеоружии напасть на Красный Интернационал, если бы они этого пожелали.

Другой факт, являющийся ярким показателем того, насколько эти профчиновники настораживаются и чутко относятся ко всему, что так или иначе затрагивает их интересы, произошел на состоявшейся в конце августа общеанглийской конференции английских коммунальных служащих. Представители коммунальных рабочих района Клайда внесли предложение отделиться от Амстердама и присоединиться к Москве. Наши клайдские товарищи, в страстном и неотразимом по силе аргументаций призыве, защищали свое предложение, разоблачая бесчувственную и черствую политику Желтого Интернационала,—политику, бросившую миллионы пролетариев на все фронты мировой войны, где многих из них разрывные снаряды превращали в клочья человеческого мяса и костей, а другие были изувечены, искалечены и разорваны шрапнелью и пулями. Эта же политика бросила миллионы пролетариев на различные внеевропейские театры войны, где их косили эпидемии в пустынях Месопотамии или Египта. Несмотря на то, что предложение было сделано согласно всем требованиям устава и регламента конференции, обсуждение его не было допущено председателем. Так называемая рабочая газета „Дейли Геральд“ благоразумно замалчивает этот маневр желтого бюрократа.

То же самое явление наблюдается на всех сколько-нибудь важных собраниях. Пользуясь всем находящимся в их распоряжении техническим аппаратом, они всегда ухитряются наносить удары той самой профсоюзной массе, которой они должны руководить в ее же интересах.

15 октября в Лондоне состоялось одно из самых удачных совещаний сторонников Красного Профинтерна. 330 местных секций тред юнионов были представлены 600 делегатами. Были также представители от 13 местных межсоюзных советов, находящихся в самом центре той территории, которая страшно обнищала вследствие экономического развала. Это указывает на то, что энергичная пропаганда наших английских товарищей нашла благодарную почву и несет свои плоды. Эта конференция несомненно является новым этапом в истории Красного Профинтерна в буржуазной Англии. Дальнейшая работа с удесятеренной энергией будет вестись всеми методами, которые ведут к овладению самой толщей английского тред юнионизма, до тех пор, пока все движение не займет надлежащего места в авангарде порабощенных капитализмом трудящихся масс Западной Европы, перестанет бессознательно саботировать мировую революцию и будет бороться за ее достижение.

И. МАКФЕРСОН.

Рабочее движение в Японии за 1921 г.

I.

Рабочее движение в Японии потерпело за нынешний год некоторый урон вследствие продолжительного экономического кризиса и благодаря жестокому нападению ненасытного капитала на трудящиеся массы. В Маго распускается правительством Японская Социалистическая Федерация, представляющая из себя ядро коммунистического движения, срываются собрания, закрываются газеты и арестовываются видные вожди движения. В сентябре прошлого года палачи капитализма открыли новую террористическую кампанию и произвели многочисленные аресты среди коммунистов, пред'являя им обвинения в переводе и распространении „Конституции Советской России“ и „Программы Спартаковцев“. Революционное движение снова было загнано в подполье.

Что же касается профессионального движения, то мы видим, как единый рабочий фронт раскалывается, и в нем выявляются три направления: левое, центр и правое.

Левые, представленные печатниками Шинук-Кай, не успели расцвести, как уже отцвели и утратили веру в значение профсоюзов. Большая часть союза Уай-Кай стала придерживаться весьма осторожной политики. Остальные невоинствующие союзы встали под знамя соглашательства и продались тайно или открыто буржуазии. До настоящего времени эти три течения являлись препятствием к об'единению рабочих организаций, особенно в восточных частях Японии (Токио).

II.

1-го мая прошлого года японские рабочие откликнулись на зов „Пролетарии всех стран, соединяйтесь“, и в центральном парке столицы торжественно отпраздновали зарождение единения, выразившееся в об'единении наиболее значительных союзов Токио в Федерацию профсоюзов. Но, несмотря на громкое провозглашение этого лозунга в мае сего года и больших демонстраций среди рабочих, им пришлось вступить в жестокую борьбу и понести тяжелый урон. Вскоре после демонстраций они были неприятно поражены, а их враги порадованы, известием, что, несмотря на сильную оппозицию, вожди Уай-Кай покинули федерацию профсоюзов, чем фактически привели ее в упадок.

Это поведение вождей вызвало большое недовольство среди членов Уай Кай, которое вылилось на июльской территориальной конференции в Токио в виде нападок на председателя, который, как интеллигент, вынужден был подать в отставку. Победа в этой борьбе осталась за левой фракцией Уай-Кай, но она тотчас же совершила крупную ошибку. Под влиянием союза металлистов она вышла из Уай-Кай и примкнула к Федерации Профсоюзов, отойдя, таким образом, от широких масс. Этот поступок металлистов должен быть заклеймен; они повторяли преступление, совершенное правыми за месяц перед этим.

Первые нападения повели к тому, что Уай-Кай потерпел урон также и с другой стороны: от него откололись наиболее умеренные секции—союз моряков, руководимый Гамадой, японским Хавелок Вильсоном, не во имя единства, а недостойного честолюбия. Секции эти примкнули к „Японскому союзу моряков“, штрейкбрехеровской организации, возглавляемой директором Страхового Общества.

Нужно ожидать, что Уай-Кай, подвергаясь нападению как слева, так и справа, очень скоро сойдет на нет, если его лучшие элементы будут держаться золотой середины. Среднего пути не может быть при выборе между Москвой и Амстердамом.

В то время, как токиоские рабочие страдали от внутреннего разложения, ничего не предпринимая против врага, рабочие Осаки и Кобе (где Уай Кай пользуется наиболее сильным влиянием) начали новую борьбу, выдвигая требования фабрично-заводских комитетов и участия в контроле над производством. В мае рабочие Осаки, руководимые Уай Кай, взяли на себя инициативу и после жестокой борьбы, ценой кровавых жертв, понесенных рабочими, добились удовлетворения своих требований.

Стачечные волны распространились на соседний город Кобе. В июле 5.00 докеров Ковасако забастовали, пред'явив те же требования. Власти, испуганные угрозой занятия верфи рабочими, вызвали войска. Крупные демонстрации происходили ежедневно и, наконец, произошли уличные схватки между рабочими и полицией, при чем был один убит, много раненых и произведены массовые аресты рабочих. Борьба продолжалась целый месяц, и, в конце-концов, забастовавшие рабочие вынуждены были уступить, не добившись каких-либо существенных результатов.

Рабочие потерпели поражение не потому, что они были слабы, но вследствие измены своих вождей, которые испугались власти масс и неизбежной всеобщей забастовки. Христианский социалист, вождь Уай-Кай в Кобе, Кагава и присные проповедовали толстовское непротивление злу в самом разгаре борьбы и старались всячески успокоить воинствующий дух рабочих и сузить размах стачки. Короче говоря, это было колоссальное предательство.

Если 1919 год является в истории японского рабочего движения годом побед, 1920 есть год поражений, то мы можем назвать 1921—годом „великого предательства“. Почти все несчастия, которые случились в этот год, могут быть приписаны вождям оппортунистам, особенно из союза Уай Кай.

Наученные горьким опытом, рабочие массы хорошо это поняли и стараются ныне сосредоточить руководство в своих руках. В настоящий момент это недовольство нашло свое выражение в лозунге „против интеллигенции“ и сосредоточилось, главным образом, в Уай Кай, в которой зародились и развивались подобные же элементы. Эта агитация коммунистической группы шла так успешно, что через короткий промежуток времени почти все интеллигенты обратились в бегство в Сузуки, и японский Гомперс чуть ли не лишился своего председательского поста в Уай-Кай.

Но наша борьба должна пойти дальше и не должна сводиться к простому походу на интеллигенцию. Мы должны бороться против этих элементов, независимо от того, интеллигенция ли они, или рабочие, которые стараются загасить классовый антагонизм, растущий в массах, и продать в критический момент оптом и в розницу интересы рабочих классов его врагам.

С. НОСАКИ.

Революционное рабочее движение в Чехо-Словакии.

Рабочее движение в Чехо-Словакии отличается в последнее время необыкновенным революционным под'емом и активностью, которые трудно было ожидать от страны, поставлявшей первые контр-революционные отряды для борьбы с Советской Россией. Причин этому явлению несколько, как в области политики, так и экономики, и по странной иронии судьбы тот под'ем национального шовинизма, который бросил чехословацкие легионы на борьбу против революционной России и Венгрии, сменился чрезвычайно быстрым отрезвлением, создавшим благоприятную почву для идеи международного об'единения.

Это обстоятельство крайне важно и является чуть ли не основной предпосылкой революционного движения в Чехо-Словакии, представляющей в национальном отношении подобие бывшей Австро-Венгрии в уменьшенном масштабе. Происшедшее в конце октября с. г. об'единение национальных секций — чешской, немецкой, польской и венгерской—в одну компартию является первым фактическим проявлением этого стремления, которое захватило не только передовые слои чехо-словацкого пролетариата, но всю его массу с такой силой, что даже социал-патриоты и профбюрократы вынуждены, скрепя сердце, с этим считаться.

Вся последняя экономическая борьба дает рабочим наглядный урок необходимости международного об'единения в границах Чехо-Словакии, и вопрос этот будет одним из важнейших, которые предстоит решать общегосударственному с'езду профсоюзов Чехо-Словакии, созываемому на 2-ую половину января 1922 года.

Но это стремление чехо-словацких рабочих не ограничивается рамками своего государства; об'ективные политические и экономические условия толкают их дальше, на путь международного об'единения.

Фетиш национальной самостоятельности, при помощи которого чехословацкой буржуазии удалось на некоторое время увлечь рабочих на путь соглашательской политики, рушится под ударом действительности. Каких только благ не обещала чехословацкая буржуазия своим рабочим от этой самостоятельности! Не говоря уже о развращающем соблазне — превратиться из нации придавленной, преследованной в нацию господствующую,—массам рисовали самыми радужными красками картину экономического благополучия чехо-словацкой республики, которая соединит в себе наилучшие, богатейшие провинции Австрии и избавится от бремени содержания бедных, экономически пассивных областей. Но как раз эти богатства, эти 70—80 процентов всей прежней австро-венгерской добывающей и обрабатывающей промышленности, оставшиеся в пределах чехословацкой республики становятся все более роковым для буржуазии и революционизирующим для рабочих фактором. Эта промышленность, работавшая раньше на 5-ти миллионный внутренний рынок и имевшая значительный внешний рынок на Балканах и в передней Азии, лишена теперь прежних возможностей развития и задыхается в тесных рамках 14-ти миллионного государства. От ее ближайших соседей: Австрии, Венгрии, Юго-Славии—отделяет ее не столько понастроенные таможенные рогатки, сколько их обнищание, неплатежеспособность и некредитоспособность. Помимо этого здесь она встречается с опасным конкурентом, с бьющейся в предсмертных судорогах неотвратимого банкротства Германией, вынужденной выбрасывать на рынок товары по ценам ниже себестоимости, за счет расхищения основного капитала. Все-же остальные и колониальные рынки ревниво оберегает исключительно для своей эксплоатации Антанта.

Куда ни кинь, везде клин! И сколько радужных иллюзий было после войны! „Мы любимчики Антанты,—твердили рабочим массам социал-патриоты,—получим от нее все, чего пожелаем! Надо только, чтобы наши храбрые легионеры разбили этих бандитов-большевиков“.

Но вскоре оказалось, что причисленную к сонму победителей Чехо-Словакию Антанта третирует не лучше побежденной Германии и Австрии. Чехо-Словацкая валюта подвергалась такому же искусственному понижению со стороны капиталистов Антанты, как и злополучная германская марка, и, вооруженный преимуществами своей валюты, английский, французский и американский капитал хлынул в страну, чтобы завладеть источниками сырья и дешевой рабочей энергии.

На радостях отвоевания национальной самостоятельности и, главным образом, чувствуя шаткость своего положения, чехо-словацкая буржуазия не скупилась на посулы своему пролетариату. Помимо позолоты всяких демократических свобод фигурировали и обещания аграрной реформы и социализации „зрелых“ промышленных предприятий.

Но эти и другие еще обещания, являющиеся по существу лишь политическим маневром находящейся в стесненном положении буржуазии и цель которого заключалась в том, чтобы отвратить рабочие массы от единственно правильного пути борьбы за власть, за диктатуру пролетариата, — эта политическая западня изображалась социал патриотами с пеной у рта, как единственный верный и безболезненный путь к социализму. И так сильно было традиционное доверие масс к социал демократии, что, несмотря на горький опыт только что окончившейся войны, рабочие массы еще раз поверили в возможность мирного сотрудничества со своей буржуазией. Но не прошло и года, как передовые рабочие в социал-демократической партии убедились в предательстве своих вождей и, в поисках выхода, стихийно устремились к Коммунистическому Интернационалу.

И здесь то социал патриоты выявили свою настоящую предательскую физиономию: при помощи буржуазных судов, полиции и жандармов они отняли у рабочих масс все имущество бывшей социал-демократической партии, потому что огромное большинство ее членов стало коммунистами. Миллионная масса чехо словацких рабочих ответила в декабре прошлого года на этот акт грубого и циничного насилия всеобщей забастовкой. Против бастующих рабочих, выдвинувших еще требование осуществления обещанной им социализации и рабочего контроля, были мобилизованы все силы буржуазного государства, социал-патриотов и профбюрократов и забастовка была жестоко подавлена. Десятки рабочих заплатили жизнью за свою доверчивость, за то, что надеялись, что их бывшие вожди все-таки не позволят расстреливать их. Свыше 3.000 рабочих брошено было в тюрьму по обвинению в подготовке коммунистического переворота.

После этой политической победы чехо-словацкая буржуазия начинает наступление против рабочих на экономическом фронте. И здесь социал-предатели и профбюрократы, ее верные союзники, выбивались из сил, чтобы убедить рабочих, что нужно спасать и сохранить военные прибыли своих капиталистов за счет еще большего понижения их жизненного уровня, что рабочим надо примириться с условиями китайских кули, чтобы восстановить отечественную промышленность.

Попытки рабочих защищаться, благодаря их распыленности, национальной розни и измене профбюрократов, терпят крушение. И так же, как в прошлом году в политическом движении, так и в настоящем году—в профессиональном наступает крутой перелом в сторону международных революционных методов борьбы. Чехословацкие рабочие приходят к познанию, что необходимо устранить национальное деление профессионального движения на чешское, немецкое, польское и венгерское, что нужно порвать с желтым Амстердамским Интернационалом и принять революционные методы борьбы Московского Красного Профинтерна. Но и социал-патриоты, в союзе с профбюрократами, готовятся вновь применить испытанное, прошлогоднее средство. Не дожидаясь результатов с'езда, от которого предвидят свое несомненное поражение, они намереваются расколоть профессиональное движение, увлечь за собой меньшинство и при помощи буржуазии ограбить у масс профессионально-организованных рабочих союзное имущество и лишить их, таким образом, всех средств борьбы.

Эта преступная, предательская тактика, в случае ее удачи, может создать большие препятствия для революционного профдвижения в Чехо-Словакии, но будет, так же как и в политическом движении, бессильна помешать его стихийному нарастанию и присоединению к Красному Московскому Профинтерну.

ГРОШЕ.

Итальянский пролетариат перед лицом фашизма.

Еще в то время, когда не успели высохнуть потоки пролитой во время мировой войны крови, когда не успела смолкнуть канонада пушек, итальянский пролетариат протянул братскую руку активной помощи своим русским товарищам. В то время, как буржуазия всего мира об'единенными усилиями пыталась подавить русскую революцию, посылая подкрепления живой силой и снаряжением белым контр-революционным генералам, итальянский пролетариат не только выступил с резолюциями горячего протеста, но и практически мешал осуществлению планов, направленных против российского пролетариата.

Несмотря на безработицу и на все ухудшавшиеся условия материального существования, итальянские рабочие отказались производить снаряды, ружья и пушки, которыми могли воспользоваться контр революционные силы России. Больше того: они активно препятствовали транспортированию смертоносных орудий через Италию и вдоль ее берегов.

Этот пример международной солидарности пролетариата встретил отклик и в среде рабочих других стран; но в то же время это обстоятельство послужило лишним поводом гнева итальянской буржуазии против рабочего класса Италии. Лишенные военных прибылей и пытавшиеся компенсировать свои убытки за счет удушения русской революции итальянские капиталисты всею силою своего классового негодования обрушились на пролетариат, начав организованный поход против его профессиональных организаций.

Вот уже целый год, как Италию залила волна реакции, самым удачным орудием и ярким выражением которой является фашизм. Прекрасно сознавая, что сила рабочего класса заключается в его организациях, являющихся не только средством борьбы за существование, но и школой классовой солидарности, правительственные промышленники Италии направили свои удары против них.

Натравливая наименее сознательных рабочих против остальных; организуя специальные отряды мелкобуржуазной и буржуазной интеллигенции, которым суждено играть роль кулака, опускающегося на голову рабочего класса; убивая революционных вождей, буржуазия надеется разбить единство сил и стремлений рабочего класса.

Фашисты, руководимые предпринимателями и правительством, сожгли за минувший год больше сотни Рабочих Палат Труда, немало рабочих жилищ; разрушили множество рабочих учреждений; заставили тысячи рабочих и организаторов целыми неделями скитаться по горам, скрываясь от белого террора. За год реакции итальянские тюрьмы переполнились лучшими представителями пролетариата, а на кладбищах итальянских сел и городов прибавилось немало свежих рабочих могил.

События, происходившие в самое последнее время в Риме, во время с'езда фашистов, почти полное овладение последними городом и беспрепятственное погромное хозяйничанье их в его пределах лишний раз подчеркнули, что фашисты являются силой, организованной и поддерживаемой правительством.

Между тем, до сих пор итальянский пролетариат как будто бы еще не нашел формы и средств организованной борьбы со все усиливающейся реакцией. Конечно, ответственность за это целиком ложится на реформистских вождей, которые не умели или не хотели об'единить все силы для борьбы с врагом. Отдельные рабочие и организации на протяжении всей полосы реакции проявили достаточно революционного энтузиазма и боевой готовности.

В Сестри Поненте рабочие выдержали 6-тичасовую осаду и покинули свою Палату Труда только после того, как отстояли ее от натиска фашистов и королевских карабинеров. В Болоньи фашистам во время первого их нападения удалось овладеть рабочими только после того, как правительственные агенты разоружили и арестовали последних. В Эмполи рабочие, с оружием в руках, защищались от нападения фашистов. В Сьене только артиллерийским огнем удалось выбить рабочих из занятых ими позиций. В Триесте фашисты всегда и до сих пор встречают достойный отпор при каждой попытке нападения.

Но эти факты остаются разрозненными попытками доведенных до отчаяния групп, в которых силен дух классового революционного сопротивления. Наименее стойкие—поддаются чувству страха и покорно склоняют голову под удары меча, провоцируемые на это проповедью непротивления реформистских вождей. Только в самое последнее время, под влиянием революционных ячеек, профессиональные союзы начинают, наконец, проникаться сознанием, что нужно искать новых путей для выхода из создавшегося положения.

Уже испробованы все пути, намеченные в катехизисах социал-демократов: и протесты перед парламентом и правительством, и создание комиссий по обследованию деятельности фашистов, и даже „мирные договоры“ с фашистами. Между тем, кровавая деятельность фашистов не прекращается.

Этот горестный опыт, за который рабочему классу пришлось платить ценой своих лучших представителей, кое-чему научил пролетариат. И в повседневной борьбе перед рабочими союзами во весь рост встает вопрос о практической тактике самосохранения. Разрушаемый колоссальной безработицей, нищетой, голодом и фашизмом, пролетариат инстинктивно тянется к единству внутри страны и в международном масштабе.

За последние месяцы уже больше 40% организованных рабочих в резолюциях своих местных и национальных организаций определенно высказались против гибельных реформистских приемов борьбы и за усвоение тактики, предлагаемой молодой коммунистической партией. Последняя ясно и определенно ставит вопрос о необходимости об'единения разрозненных сил пролетариата для отражения, с каждым днем наглеющих, буржуазии и фашистов.

Итальянский пролетариат уже не хочет больше кровавыми жертвами удовлетворять честолюбие играющих в „государственность“ социал-демократических вождей. Он не может дальше позволить себе эту „роскошь“ непроизводительной траты сил и энергии. И это служит лучшим залогом того, что итальянский рабочий класс об'единится под революционными знаменами и, сделав последние усилия, освободится от сдавливающего его ига капитализма.

Выступив в последний бой стройными рядами своих профессиональных организаций, он не только освободится от экономического порабощения и фашистского террора, но и выполнит свой священный долг перед русской и мировой революцией.

ПИЙ ПИЦЦЕРОНИ.

ОТВЕТСТВ. РЕДАКТОР Я. ФИН.
ИЗДАТЕЛЬ—ВЦСПС.

Р. В. Ц. Москва. № 49.

13-я типография М. Г. С. Н. Х. Петровка, 17.

Тираж 150.000